

**ВСЕРОССИЙСКАЯ ОЛИМПИАДА ШКОЛЬНИКОВ ПО ЛИТЕРАТУРЕ
(МУНИЦИПАЛЬНЫЙ ЭТАП)**

2025

11 класс

Уважаемый участник олимпиады!

Вам предстоит выполнить задания олимпиады. Время выполнения заданий – 9 классы – 6 академических часа (270 минут).

Выполнение письменных заданий целесообразно организовать следующим образом:

- не спеша, внимательно прочитайте задание и критерии оценивания;
- обдумайте и сформулируйте ваш ответ;
- не забывайте, что единственно верного ответа нет – важнее, чтобы ответ соответствовал заданию и критериям, опирался на анализ художественного текста, знание литературного материала и терминологии, а ваша точка зрения была убедительной и аргументированной;
- после выполнения всех предложенных заданий обязательно проверьте себя.

Максимальная оценка – 65 баллов.

Задание 1

Портрет в словах и красках

Жанр портрета – один из древних в изобразительном искусстве, однако поэзия также почувствовала в нем большой потенциал.

Перед вами представлены портреты - живописный и поэтический. Напишите небольшое эссе (примерно 250-270 слов) и охарактеризуйте основные принципы организации изобразительного портрета (композиция, техника и стиль, работа художника с цветом и светом, назначение и пр.) и поэтического. Каковы принципы создания образа в поэтическом тексте и чем они отличаются от живописных?

Ф.С. Рокотов.

Портрет Александры Струйской. 1772.

Н.А. Заболоцкий
Портрет

Любите живопись, поэты!
Лишь ей, единственной, дано
Души изменчивой приметы
Переносить на полотно.

Ты помнишь, как из тьмы былого,
Едва закутана в атлас,
С портрета Рокотова снова
Смотрела Струйская на нас?

Ее глаза — как два тумана,
Полуулыбка, полуплач,
Ее глаза — как два обмана,
Покрытых мглою неудач.

Соединенье двух загадок,
Полувосторг, полуйсуг,
Безумной нежности припадок,
Предвосхищенье смертных мук.

Когда потемки наступают
И приближается гроза,
Со дна души моей мерцают
Её прекрасные глаза.

1953

Критерии оценивания

1. Охарактеризованы художественные средства картины / стихотворения, создающие образ, — до 10 баллов.
2. Выявлены взаимосвязи, переклички структурных элементов картины и стихотворения, работающие на создание художественного целого, — до 7 баллов.
3. Логичность, связность, речевая грамотность работы — до 3 баллов.

Максимальный балл – 20

Задание 2

Выполните целостный анализ одного из предложенных текстов (прозаического ИЛИ стихотворного).

Валентин Петрович Катаев

ЖЕЛЕЗНОЕ КОЛЬЦО

Ребята, у кого махорка? Спасибо. Тьфу, на какой, однако, отвратительной бумаге печатаются наши стенные газеты. Еще стаканчик. Итак, я продолжаю:

Надоели доктору студенты, надоели пивные кружки, надоели тайные свидания, дуэли и голубые глаза красавиц, и отправился он с пуделем скитаться по свету.

По дорогам проходит Вечным жидом, по морям – Летучим голландцем, по городам – знатным путешественником. Много повидал доктор диковинных стран, людей и городов.

Он танцевал в Барселоне на свадьбе, охотился в Индии на слонов, в Нагасаки увлекался гейшами, а в Риме написал отличную новеллу в духе «Декамерона».

Все эти свои приключения он отлично помнил, потому что был бессмертен, но ко всему был равнодушен по этой же причине.

Много лет, а может быть, и веков, путешествовал доктор таким образом. И пудель путался у него под ногами, вертелся, клал лапы на грудь и язвительно лаял, причем вытягивал из оскаленной пасти и разворачивал красный язык, похожий на детского ярмарочного свистящего змея или на жало геральдического льва.

Много ли это или мало – вечность? Для человеческой короткой жизни – очень много; для жадного сердца – слишком мало; но для души, запроданной черту, год и вечность все равно – ничто.

Ничто не могло оживить доктора.

Лишь однажды он улыбнулся.

Это случилось на диком Эвксинском побережье в час равноденственного прибоя, среди брызг, ракушек, скал, где он встретился с неким мечтающим поэтом. Поэт стоял взволнованный, рыже-курчавый, в архалуке, размахивая отвинченным стволом охотничьего ружья, заменявшим ему, по-видимому, палку. Его лицо, повернутое в брызги и ветер, выражало волнение, и полные голубые глаза блестели слезами вдохновения.

– Тысячу сердечных извинений, – сказал доктор на безукоризненном французском языке и снял шляпу. – Тысячу извинений, что, не будучи вам представлен, я прервал уединение ваше и осмелился заговорить. Много лет, а может быть, и веков, скитаюсь я по свету. Много видел я человеческих лиц. Но такого вдохновенного, исполненного высокого смятения и блеска, как у вас, я не видал нигде. Уж не вы ли обладатель легендарного талисмана счастья?

– Милостивый государь, – ответил поэт, – я не знаю, кто вы и куда направляетесь, я не знаю, добрый гений или злой привел вас к нашим берегам. Однако ваше лицо мне знакомо; я не смею определить, где я встречал вас: во сне, наяву или в книге, но кто бы вы

ни были – я приветствую вас, скитальца и мечтателя. Вы сказали – счастье? Кто знает, что такое счастье? Иные думают, что счастье – это золото, иные полагают его в молодости и любви; есть безумцы, считающие счастьем бессмертие и славу! Но, милостивый государь, счастлив ли я? Ежели этот ветер, и прибой, и свет, и тень, и говор волн – счастье, ежели паруса, уходящие на юг, – счастье, ежели природа человеческих страстей – счастье, ежели все, что переполняет бедную человеческую жизнь, – счастье, о, тогда я счастлив и благодарю небо за это несовершенное, горькое, прекрасное, обыкновенное человеческое счастье.

– Впервые я вижу истинного счастливого! – воскликнул доктор. – Но кто вы?

– Что в имени моем?

– Вы правы, – в раздумье заметил доктор. – В таком случае не можете ли вы сказать, где я сейчас нахожусь и нет ли здесь поблизости трактира, где бы я мог переночевать?

– Вы находитесь недалеко от нового города Одессы. Подымитесь по обрыву, и вы увидите его. Там вы найдете ресторацию, где можно получить славную бутылку кишиневского вина и сносный ужин.

– Прощайте, милостивый государь.

Доктор позвал пуделя и, отвесив поклон, стал уходить. Поэт смотрел ему вслед, тщетно стараясь припомнить это знакомое лицо. Вдруг доктор остановился.

– Милостивый государь, – с волнением сказал он, возвращаясь к поэту, – вероятно, мы с вами больше не встретимся, но наше короткое свидание было самым приятным в жизни, ибо впервые я увидел истинного счастливого. Примите же в память краткой встречи вот это кольцо. Оно сделано из грубого железа, и его украшает дешевый кусок бирюзы. Но на руке счастливого оно приобретает чудесную силу делать окружающее прекрасным и счастливым. Возьмите его. Я уверен, что от вас оно перейдет к достойному. Прощайте.

Тогда доктор исчез, а на пальце своем поэт увидел грубое железное кольцо с бирюзой.

И в тайной темноте ночи, наклонясь над тетрадь и рассеянно чертя на полях женскую ножку, поэт видел, как бирюза, вделанная в железо, наливалась необычным голубым светом. Этот же голубой свет наполнял средиземной водою ночное полукруглое окно. И золотые ножи свечей колебались легко и чисто, окруженные лазурным сиянием. Стихи, написанные в эту ночь, были прекрасны.

На следующий день госпожа Ризнич уезжала в Италию. Поэт в глухом сюртуке и цилиндре ожидал красавицу на пристани. Дул сильный ветер. Море было беспокойное, полное пены, но пленительное. Турецкие фелюги скрипели у набережной, раскачиваясь метрономами мачт. Матросы разных национальностей играли на свернутых канатах в

карты. Слуги грузили дорожные сундуки и чемоданы супругов Ризнич в шлюпки. Корабль качался на рейде. Вдруг показалась карета. Рядом с ней скакал всадник. Карета остановилась. Дверца распахнулась, и маленькая ножка в сером шелковом чулке выставилась из нее, ища подножки. Слуги бросились к карете, и госпожа Ризнич, подобрав дорожные юбки, выпрыгнула на песок. За нею вылез ее толстый муж. Всадник соскочил с лошади и, бросив поводья слугам, подошел к поэту.

– Она уезжает, это ужасно, – сказал он.

– Она уезжает, – автоматически повторил поэт, – она уезжает.

– Счастливцев, ты любим, – с горечью заметил первый.

– Друг Туманский, не завидуй. Сейчас она уплывет от нас прочь, и мы будем равны, и, может быть, мне будет больше, чем тебе.

Госпожа Ризнич с мужем подошла к приятелям.

– О, коварство мужчин! – воскликнула она слишком весело. – Я еще не успела сесть на корабль, а у вас на руке новый талисман. Можно ли верить друзьям, говорящим о своей преданности?

Господин Ризнич учтиво улыбнулся, и только беглый взгляд поэта, полный любви и горечи, перехваченный таким же тайным взглядом красавицы, остался нежной памятью этого светского прощания.

Приставив к глазу зрительную трубку, преодолевая слезы, поэт видел приближенный круглыми стеклами корабль. У борта рядом с мужем стояла она и махала платочком. Поглощенный только ею, поэт не видел вчерашнего незнакомца с пуделем, прислонившегося к снастям среди ящиков и бочек с красными печатями. Ветер трепал его дорожный плащ и завивал бороду.

Склонясь от бокового ветра, корабль косо уходил вдаль. Скоро он почти скрылся из глаз.

– Пойдем, дружище. Она уже далеко. В кофейне усатого капитана уже, вероятно, собрались шахматные игроки, и томная Ифигения разносит на жестяном подносе чашечки бобового кофе и рахат-лукум. Пойдем же, я тебе расскажу забавную историю об одном странствующем чуде с наружностью Фауста, подарившем мне это железное кольцо с бирюзой. Утри слезы, нас ждут чубуки, пойдем же.

И они пошли вверх по новой дороге, вырезанной в свежей глине обрыва.

Много времени прошло с тех пор, а небо над городом было все того же влажного голубого цвета, и сливы на рынке в августе покрыты все той же изумительной бирюзовой пылью. Значит, и до сей поры железное кольцо находится у кого-нибудь из местных жителей. Почти никто никогда не видел этого кольца, да и вряд ли многие знают о его

существовании. Может быть, уезжая на север, поэт надел его, в память о мимолетной страсти, на пальчик Ифигении, может быть, оно попало в кованую шкатулку легендарной гречанки, некогда целовавшейся с Байроном и долго переходило из рода в род, пока не пропало в дыму десантов и в пыли реквизиции 1920 года.

Говорят, что один статский советник из управления по делам печати, весьма сильный в истории отечественной литературы, в 90-х годах прошлого века видел подобное кольцо на пальце незнакомого жуира, считавшего сдачу у окошечка кассы под каменными арками муниципального театра. Он ясно запомнил элегантную крылатку, широкие клетчатые панталоны, каштановые бакенбарды, очки и шапокляк. Газовые рожки трещали гибкими, твердыми веерами пламени над сетчатой рамой с афишей, напечатанной шоколадным грубым шрифтом. Статский советник бросился к господину, но ступил на апельсиновую корку, поскользнулся и чуть не упал, а когда он оправился, незнакомца уже не было, только в зеркальном стекле захлопнувшейся двери покачивались созвездия. Об этом происшествии была напечатана статейка в местном «Телеграфе», на чем дело и кончилось.

Искусства продолжали процветать в городе, а город, как и жители его, менялся. Летом он был завален горами строительного материала, балками, рельсами, пашками, бочками портландского цемента, смолой и глиной. В порт прибывали все новые парусники, пакетботы и океанские пароходы.

Однажды моложавый бородатый человек в берете, в шотландском пледе, с бедкером в руке и пуделем шел из гавани на вокзал. Он был оглушен шелковым шелестом ссыпаемого зерна, пистолетными выстрелами железных балок, звонками конок, ругательствами и ослеплен известковым дымом, солнцем и необычайной яркостью неба.

Еще чувствуя под ногами качание палубы, он шел по боковым улицам и переулкам в сладкой тени виноградных акаций и низких приветливых домов. На пороге греческой кофейни, где под грубым полосатым тентом вторые помощники в расстегнутых кителях и купцы в фесках играли в нарды, стояла молодая гречанка. Она прислонилась к нагретому косяку двери и легко дремала, опустив ресницы. Косые резные тени акаций двигались вверх и вниз по ее полотняному платью, черной кружевной наколке и по скрещенным на груди узким пальцам.

– Mein Gott! – воскликнул незнакомец, посмотрев на нее.

Гречанка выпрямилась и открыла влажные глаза.

– Ифигения! – позвал из лавки мужской голос.

Она поправила наколку и быстро вошла внутрь. Незнакомец остановился, но пудель кинулся передними лапами ему на плечо, заглянул розоватыми злыми глазами в лицо и,

распустив геральдический язык, язвительно залаял. Играющие в нарды лениво обернулись. В дверях кофейни стоял усатый грек. Незнакомец переложил из одной руки в другую бедкер, вздохнул и пошел неторопливо далее, ища тени, мимо бакалейных лавочек и киосков с содовой водой.

И еще прошло некоторое время, после чего произошло множество совершенно уже невероятных, но вполне достоверных событий, о которых смешно и говорить, потому что все мы так или иначе в них участвовали.

Все мы повидали порядочно чудес. Но, дорогие товарищи, клянусь классической балладой, никто из вас не видел того, что видел я. На днях я видел на базаре, в длинном ряду штаб-офицерских вдов и вылинявших графинь, распродающих остатки своего хлама, немолодую желтую гречанку в черной кружевной наколке и старом шелковом платье. Глаза у нее были припухшими от слез и припудрены скверной пудрой. Кроме того, она жадно курила ужасную вонючую скрутку махорки, обнажив янтарные, почерневшие зубы. Она просительно и отчаянно улыбалась. Меня взяло любопытство: что она может продавать, эта бывшая экзотическая красавица? Я подошел, расталкивая солдат и матросов, и посмотрел на коврик, разложенный перед ней. Там лежали серые клетчатые панталоны, складной цилиндр, подзорная труба и кружевной платочек. «Черт возьми, – пробурчал я, – здесь не хватает только железного кольца с бирюзой и каштановых бакенбард, тогда я бы, пожалуй, забрал весь этот товар оптом. Для старого романтика это может пригодиться!» И что же вы думаете? Старая ведьма, услышав мое бормотанье, вся расцвела, закивала головой и быстро подняла кружевной платочек. Под ним лежали отличные каштановые бакенбарды, соединенные тесемкой. И тут же на костлявом пальце этой мумии я заметил железное кольцо с бирюзой. Но я ничего не успел сказать, потому что в эту минуту началась очередная базарная облава. Толпы торговцев и покупателей бросились в разные стороны, сталкиваясь и роняя пирожки и ботинки. Со всех сторон неслись отчаянные свистки милиционеров, и всадники эскадрона внутренней охраны республики скакали, как шахматные коньки, по опрокинутым квадратикам ларьков и стоек по диагонали через два в третий. Конечно, я не стал дожидаться и, как подобает старому, закоренелому дезертиру, поспешил скрыться, хотя мне и улыбнулась голубая перспектива завладеть легендарным кольцом. Однако я думаю, что не много проиграл в конце концов. Верно? Мы счастливы, молоды, бедны, как церковные крысы, – значит, в эти железные дни молодости над нами всегда будет влажная, высокая голубизна, и сливы на рынках будут всегда покрыты бирюзовой пылью. Впрочем, к черту бирюзовую пыль! Были бы только сливы, а украсть их при известной ловкости всегда можно.

– Да ты сегодня, старик, в ударе, хоть неточен в исторических фактах и слишком на себя клеветашь. Браво, пират!

– Граждане, – испуганно прошептал появившийся в дверях хозяин, – бога ради, потише. Вы, наверное, хотите, чтобы меня расстреляли. Вот и верь на слово порядочным людям, а еще называетесь поэтами. Нехорошо. Допивайте ваше вино и уходите, прошу вас.

– Успокойтесь, папаша. Сейчас мы уберемся отсюда. Друзья, сегодня нам перепало на троих четыре бутылки отличного сухого эриванского. В наши нищие дни это редкий случай. Три бутылки выпиты. Осталась еще одна. Выпьем за доктора Фауста! Подставляйте стаканы.

– Благодарю вас, господа. Ваше здоровье! – громко сказал внезапно появившийся человек с пледом и в берете, высоко поднял стакан и осушил его одним духом. Потом он бросил на стол железное кольцо и скрылся. Кольцо покатилося по мокрому столу, звеня о стаканы.

– Где он? Держите его! За ним! – закричали мы и вывалились на улицу.

Резкий зеленый свет весенних сумерек и желтая полоса зари полоснули бритвой по пьяным глазам. На улице было пусто. Синий силуэт собора твердо и сумрачно стоял в заре. Пахло свежим морем. Где-то с грозным шорохом падали закрываемые шторы. И в надвигавшейся ночи, в прорезывающихся, как молочные зубы, звездах мимо нас проплывал человек с пледом и пуделем.

– Ба! Ребята! Вот он!

Человек с пуделем шарахнулся в сторону и пустился бежать по пустынной улице, мимо нищих, разграбленных, опечатанных магазинов.

– Не горланьте, ребята. Выпили на грош, а шумите на рубль. Ну-ка, хором.

И все подхватили хором:

– До-брый путь, до но-вой встре-чи, док-тор!

Эхо понеслось по улицам.

– А где же кольцо?

Мы молча переглянулись. Его не было.

– Ну, друзья, делать нечего. Идемте в мою берлогу. У меня в светильнике есть еще часа на три бензина. А Стивенсон – прекрасный писатель для чтения в свободное время. Я хочу прочесть вам «Ночлег». Это замечательная история про одного бандита Франсуа Виллона. Итак – за мной!

Это было в третьем году республики.

Освоение космоса

Чердачное окно отворено.

Я выглянул в чердачное окно.

Мне подоконник врезался в живот.

Под облаками кувыркался голубь.

Над облаками синий небосвод
не потолок напоминал, а прорубь.

Светило солнце. Пахло резедой.

Наш флюгер верещал, как козодой.

Дом тень свою отбрасывал. Забор
не тень свою отбрасывал, а зебру,
что несколько уродовало двор.

Поодаль гумна оседали в землю.

Сосед-петух над клушей мельтешил.

А наш петух тоску свою глушил,
такое видя, в сильных кукареках.

Я сухо этой драмой пренебрег,
включил приемник «Родина» и лег.

И этот Вавилон на батарейках

донес, что в космос взвился человек.

А я лежал, не поднимая век,
и размышлял о мире многоликом.

Я рассуждал: зевай иль примечай,
но все равно о малом и великом
мы, если узнаём, то невзначай.

1966

Критерии оценивания

1. Точность понимания общего смысла произведения, интерпретационная целостность работы, обоснованность толкования текста, ясность итоговых формулировок – до 10 баллов.
2. Умение делать аналитически значимые наблюдения над структурой текста, охват

разных его уровней, установление обоснованных связей между структурными элементами – до 15 баллов.

3. Композиционная связность, логичность переходов между частями, умение представить результаты аналитической работы без повторов и без включения в работу фрагментов, не связанных с задачей анализа, – до 5 баллов.

4. Владение теоретико-литературным понятийным аппаратом и умение использовать термины корректно, точно, без искусственного усложнения текста работы – до 5 баллов.

5. Историко-литературная эрудиция, уместность и обоснованность использования фонового материала из области культуры и литературы, не заслоняющего анализируемый текст, а расширяющего его смысл, обогащающего его интерпретацию; отсутствие фактических ошибок – до 7 баллов.

6. Общая языковая и речевая грамотность: учитывается прежде всего соответствие речевого оформления коммуникативной задаче, точность выражения мысли, умение ученика обходиться без штампов и клише; основанием для снижения балла является бедность лексики, однообразие синтаксических конструкций, орфографическая и пунктуационная безграмотность, существенно затрудняющая понимание текста, – до 3 баллов.

Максимальный балл – 45.